

Светлана Хрущева

Улыбка между строк

Сборник уютной прозы

Светлана Хрущева

Улыбка между строк. Сборник уютной прозы

https://litres.ru/74757789
ISBN 9785007152174

Аннотация

Сборник уютной прозы в жанре магического реализма и мотивирующей поэзии. Словно мягкий плед они согревают душу и помогают отвлечься от повседневных тревог.

В сборник вошли рассказы о силе светлых воспоминаний, поиске гармонии, о важности принятия себя и вере в чудеса даже в самые непростые моменты в жизни.

Мгновения волшебства помогают создать свою реальность именно такой, какой хочется ее проживать. Поэтические вставки усиливают эмоциональное звучание и добавляют мотивирующие акценты.

Содержание

Божия коровка 6
МЕЧТАЛЬОН 9
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Улыбка между строк
Сборник уютной прозы

Светлана Хрущева

© Светлана Хрущева, 2026

ISBN 978-5-0071-5217-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда я была маленькой девочкой, я убегала в книги. Как Алиса в «Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, я погружалась в зеркальный мир, мир текста, где царят одни лишь фантазии и рифмы. Чтение и написание книг — мое лекарство от хандры окружающего мира, от горестей и печалей, от тревог и забот. Я погружаюсь в буквы и блуждаю среди образов, ища новые смыслы и новые стимулы творить.

Стремлюсь к тому, чтобы мое творчество освещало путь не только мне. Надеюсь, что, взяв в руки эту книгу, вы улыбнетесь, и от этой улыбки в вашей душе станет немного светлее. Верю, что чудесные истории героев согреют вас, как уютный плюшевый плед, помогут отвлечься от тревог и забот и дадут силы двигаться вперед, преодолевая любые препятствия.

Проза в моей жизни тесно переплетена с поэзией. Я не представляю себя без рифм, и зачастую именно ритмично выплеснутые на бумагу в нужный момент строки или прочитанные вслух стихотворения любимых авторов помогают мне найти решение, справиться с тревогой, просто выдохнуть и ответить на сидящий в голове вопрос. Вот почему в этом сборнике между рассказами есть небольшие мотивирующие и поддерживающие стихотворения.

Божия коровка

Божия коровка, улети на небо,
Забери с собою хворобу и скуку,
Искренней надежды принеси науку…
Верю, что поможет и вернется хлебом.

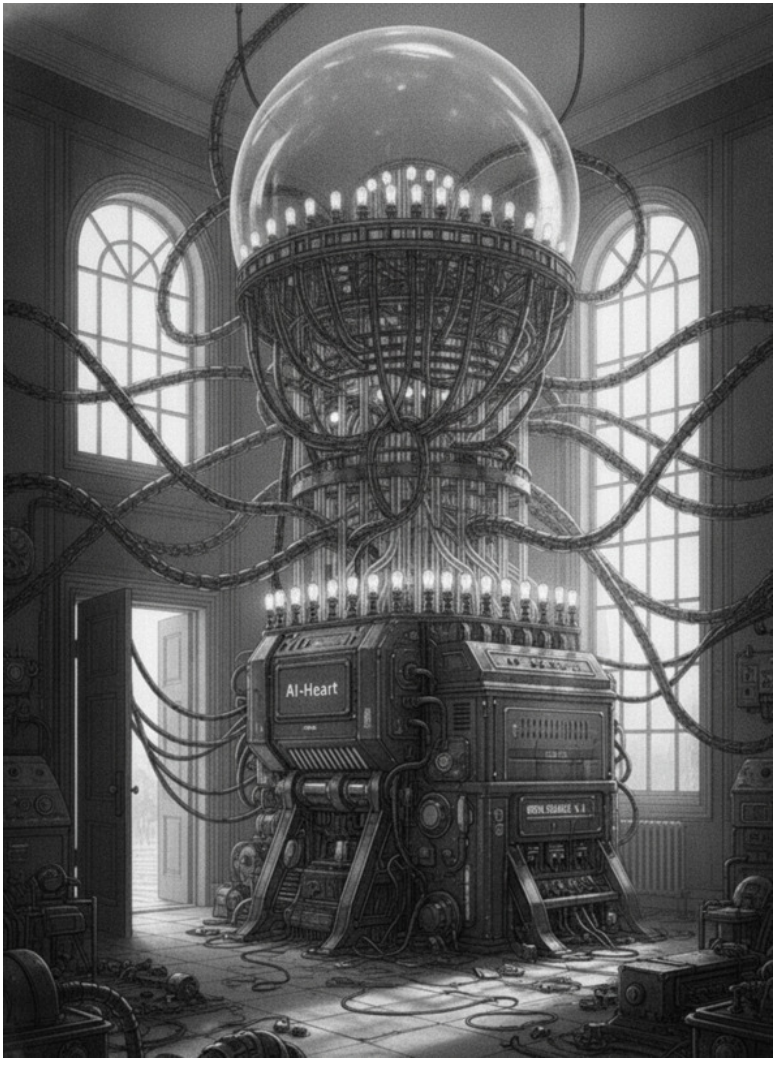
Закружились в танце пятнышки на спинке…
Тонкими штрихами в отголосках лета.
Акварелью солнца расцветут рассветы,
Облачные пазлы сложатся в картинки.

Узелки на память с послевкусьем чуда.
Завязать, листая кадры-впечатленья.
Улетайте беды прочь без сожаленья!
В антрепризе жизни свежие этюды.

Собирать букеты из костров рябины,
Из клубка вопросов разматывая суть;
Шуршать ногой по листьям, продолжая путь,
Любоваться целей ярким серпантином.

Божия коровка, талисман в горошек,
Сядет на ладошку. Губы нараспев
Тихо детской песенки повторят припев,
И влекут улыбкой мысли о хорошем.

Герои рассказа «Мечтальон» пытаются спасти мир от климатической катастрофы и возродить зиму с помощью уютных и радостных воспоминаний — тех самых «мыслей о хорошем». Помечтаем вместе с ними?

AI-Heart

МЕЧТАЛЬОН

Элле пять лет. Она подбегает к окну и забирается с ногами на подоконник, прилипая лбом к холодному стеклу. На улице настоящая зимняя сказка. Только что выпавший снег кружевными оборками украшает отяжелевшие ветки, в воздухе медленно вальсируют крупные белые хлопья всевозможных форм и размеров. Лучи восходящего солнца окрашивают предрассветный сумрак в удивительные розовые оттенки, точно кисть художника, вырисовывают каждую деталь. Элла знает, что если сейчас открыть окно, то там будет стоять удивительная тишина. Мир замер в ожидании пробуждения. Девочка устраивается поудобнее на подоконнике. Ее глаза широко распахнуты, губы чуть приоткрыты так, что виден кончик любопытного языка, словно пытающийся дотянуться до каждой маленькой снежинки. Уголки губ девочки подрагивают от едва сдерживаемого восторга, руки сплетены на коленях, а спина натянута тугой тетивой, готовой вот-вот сорваться навстречу зимнему волшебству. Сегодня самый желанный и заветный день в году — канун Нового года. Элла знает, что чуть позже родители принесут в дом пушистую елку, обязательно живую, пахнущую лесом. Потом они достанут с антресолей любимые игрушки и будут вместе наряжать красавицу, щекоча друг друга колючими ветками и заливаясь счастливым смехом. А когда елка будет готова, папа

возьмет Эллу на руки, поднимет высоко-высоко под самый потолок, чтобы девочка водрузила на ёлочную макушку позолоченную звезду.

Снежная картина вздрогнула. Пространство окна затрепетало, сворачиваясь в огромный сверкающий шар, наполненный снегом и размытыми картинками детских воспоминаний Эллы. Они сплелись в мелькающую киноленту и двигались все быстрее и быстрее по кругу…

— Элла, пожалуйста, держись. Осталось совсем чуть-чуть! — голос Петера звучал глухо и далеко.

Элла сжала руки едва ли не до хруста, пытаясь удержать воспоминание, но внезапно тишину прорезал пронзительный визг тормозов. Волшебство морозного утра наполнилось криками и топотом множества ног. Элла физически ощутила, как ее, незаметную за полотном тяжелой гардины, кто-то случайно ткнул коленом в бок. Она обнимает колени и беззвучно рыдает. Ком застрял в горле и душит бессильной злобой от чудовищной несправедливости — у нее украли новогоднее чудо. Родители больше не вернутся и не принесут пушистую елку. Нелепая авария унесла в тот день их жизни. А будни Эллы превратились в бесконечную череду переездов, приемных семей, одиноких вечеров и разочарований.

Картинка полностью погасла. Элла устало сняла виртуальные очки «Мечтальона», потрясла копной рассыпавшихся по плечам кудрей, пытаясь вернуться в реальность, и посмотре-

ла на Петера.

— Ну что, получилось? Я очень старалась, но это так больно — возвращаться в тот день.

— Понимаю, родная, прости, но наши воспоминания — это единственное, что поможет возродить зиму и спасти Землю. Мы привыкли думать, что память — это что-то личное внутри нас. Но все наши эмоции оставляют в мире едва уловимый след: микроскопические сдвиги в распределении тепла, тончайшие изменения в структуре водяного пара.

Ученые повернулись к инкубатору «Мечтальона», огромной конструкции с множеством щупалец-проводов, лабиринтом стеклянных трубочек и моргающими всеми цветами радуги лампочками. Удивительное творение человеческих рук! Он занимал самую большую комнату лаборатории и хитро высовывал то один, то другой провод в приоткрытую дверь. Сердцем и мозгом прибора стал искусственный интеллект последней, наиболее совершенной модели открытого кода, который мог не только обрабатывать миллионы терабайт информации, но и воспроизводить физические объекты почти с идеальной точностью.

Из-за многочисленных войн в борьбе за территории люди не заметили серьезных изменений климата и катастрофических последствий глобального потепления. Последовавшие одна за другой катастрофы: цунами, тайфуны, циклоны и наводнения унесли множество жизней. Солнце скрылось за плотным слоем сизых облаков, подпитываемых испарения-

ми и выхлопами. Дождь лил без конца, затапливая целые города. Голод, болезни, сырая вязкая духота и невозможность нормально дышать сводили людей с ума.

«Мечтальон» по замыслу ученых мог воссоздать на Земле зиму — особенное состояние, которое резонирует с человеческим восприятием холода и может остановить глобальное потепление климата. Но если бы все было так просто, то эта история и не случилась бы вовсе.

Когда профессор Эйвин разработал проект «Мечтальон», никто сначала ему не поверил. Но гениальность идеи была в простоте: когда человек искренне вспоминал зиму, он как будто посылал крошечный импульс, возвращающий холод. Именно эти импульсы и питают «Мечтальон». Он усиливает их и собирает, как пазл: снежинка за снежинкой. Чем ярче воспоминание, тем сильнее импульс. Однако работают только «чистые» светлые воспоминания, а печальные или грустные, наоборот, создают помехи и сенсорный фон, который не может дать стабильного результата.

Для создания полноценной морозной зимы, которой бы хватило на всю планету, требовались миллиарды данных из воспоминаний людей.

Проект был представлен правительству и после одобрения получил поддержку. В лабораторию потекли толпы добровольцев из разных стран, которые искали в архивах памяти следы своих забытых зим и делились ими с «Мечтальоном». Процесс занял годы, но…

— Ну, что получилось? — Элла в упор смотрела на экран «Мечтальона» с большой красной цифрой «97%».

Экран, однако, никак не реагировал. Цифра не менялась.

— Мы так близки к завершению проекта и так далеки от него! Нам никогда не удастся найти этих последних добровольцев, чьи воспоминания заполнят недостающие проценты и запустят, наконец, зиму.

— Элла, не расстраивайся, попробуем завтра еще раз. У тебя почти получилось восстановить картинку волшебной зимы из детства. Завтра ты обязательно сможешь!

— Но этого мало, Петер, как ты не понимаешь. Список добровольцев заканчивается. Даже если у меня получится, это будет один процент. Нужны еще люди. Может быть, ты тоже попробуешь?

— Там и кроме меня оставались имена. Давай попытаемся их разыскать, возможно, это будет проще, чем мне справиться с собой. Я пока совсем не готов, правда. Я ненавидел зиму в детстве и не могу вспомнить ни единого момента, за что я мог бы полюбить ее. Мне больно вспоминать то время.

Элла вздохнула. Принуждать кого бы то ни было не представлялось возможным, машина очень тонко считывала именно эмоции рассказчиков. Истории, рассказанные через силу, не воспринимались как подходящий материал. В жажде получить вознаграждение, обещанное за воспоминания, люди приносили разные истории и немало, но за серость, грусть, боль и печаль счетчик не добавлял заветных процен-

тов, и добровольцы уходили ни с чем. Собственно, в этом и была основная загвоздка: люди настолько погрязли в своей внутренней тьме, что вытащить что-то светлое стало невыполнимой миссией.

— Проведаем профессора?

В пропахшей болезнью и лекарствами комнате было тихо. Шторы задернуты, хотя смысла в этом не было — солнце уже многие годы не появлялось из-за плотного слоя туч.

Профессор лежал на высокой койке, опутанный сеткой проводов. Около кровати мерно попискивал прибор с датчиками. Лицо мужчины, испещренное дорожками морщин, выглядело усталым, измученным возрастом и продолжительной болезнью. Волосы стали совсем седыми. Никто точно не помнил, сколько профессору лет, даже он сам.

— Профессор, это мы. Вы спите? — Элла нежно погладила старческую руку с бледной, почти прозрачной кожей.

Эйвин открыл глаза и облизал пересохшие губы.

— Какая сегодня погода? Жду не дождусь зимы, — он сухо закашлялся, содрогнувшись всем телом.

— Профессор, сегодня, как и вчера, с самого утра моросит дождь. Мы в тупике. Элла пробовала вчера поделиться воспоминаниями, но не смогла досмотреть до конца.

— Я попробую еще раз, обещаю. Я буду пробовать снова и снова, пока не получится, — вмешалась девушка.

— Петер, поищите на серванте в дальнем углу. Там должна быть коробочка с документами. Принесите ее.

Петер достал из скрипучего серванта небольшую покрытую пылью коробку. Внутри лежала записная книжка.

— Листайте до буквы «О». Там должен быть телефон Оливии Стоун, моей внучки. Мы не общались очень долго, лет двадцать или тридцать. Не знаю, вспомнит ли она меня, но в детстве Оливия была чудесной доброй девочкой. Мы любили кататься на санках с горки, так чтобы полные ботинки снега. И мы смеялись, и нам было так хорошо!

— А почему вы перестали общаться?

— Моя дочь Сара обиделась на то, что я был против ее брака с неудачником Чарли. Мы сильно поругались, и она увезла Оливию, не потрудившись сообщить мне адрес. Я пытался найти их очень долго, но, когда однажды, наконец, раздобыл этот телефон, дочь снова была очень груба. Сказала, что для них я умер, и попросила больше не звонить, пообщаться с внучкой не дала.

— Вы думаете, что с нами Оливия не откажется общаться?

— Она хорошая девочка, вы, главное, найдите ее, — старик закрыл глаза, разговор сильно утомил его.

Этим же вечером Петер позвонил по номеру из записной книжки.

— Могу я поговорить с Оливией Стоун? — голос Петера дрожал от волнения.

— Да, это я, — проговорил низкий женский голос на другом конце линии.

— Меня зовут Петер Бон, из Научно-исследовательской лаборатории погодных явлений, я звоню по поручению вашего дедушки.

В трубке раздались короткие гудки. Петер набрал номер снова.

— Вы издеваетесь надо мной? — проговорила женщина после длительного молчания, — мой дед давно умер.

— Оливия, это не так. Мать скрыла от вас, что дед, профессор Эйвин, жив. Он великий ученый, который изобрел «Мечтальон», чтобы вернуть на Землю зиму. Вы очень нужны дедушке. Поверьте, я не обманываю вас. Мы можем встретиться?

— О машине, коллекционирующей воспоминания, я, кажется, слышала. Мой дед, я могу его увидеть? Готова приехать завтра вечером. Я должна убедиться, что вы говорите правду. Диктуйте адрес.

Квартира профессора Эйвина была удобно расположена на втором этаже здания, где находилась научная лаборатория «для удобства мыслительного процесса», как часто поговаривал ученый.

Оливия подъехала в обещанное время — невысокая женщина средних лет с ранней сединой — деловито прошла в здание, кутаясь от дождя в длинный плащ.

— Где он? Проводите меня, я хочу увидеть деда.

— Только хочу предупредить, что профессор очень болен и слаб, пожалуйста, постарайтесь не волновать его слишком

сильно, — Элла жестом пригласила женщину следовать за собой.

В полутьме комнаты лежащего на кровати человека было почти незаметно.

— Деда? Неужели это ты?

Профессор разлепил веки и прищурился, пытаясь разглядеть гостью.

— Моя Оливушка?

Женщина коротко вскрикнула и с едва сдерживаемым всхлипом бросилась на грудь старика.

— Осторожней, деточка, ты меня раздавишь!

Петер и Элла переглянулись. Они давно не видели на лице Эйвина улыбку. Девушка плакала и смеялась одновременно, утирая тонкие струйки слез с лица профессора. Она несколько часов провела у его кровати, рассказывая о своей жизни.

— Оливушка, нам нужна твоя помощь. Я так счастлив, что на закате жизни смог повидаться с тобой. Это величайшее чудо, которое мне даровала судьба, а ты можешь помочь совершиться еще одному волшебству — поделись с машиной тем детским воспоминанием о наших прогулках, когда снег скрипел под ногами, а дворовые горки казались огромными. Ты сделаешь очень хорошее дело.

— Деда, я сделаю все, что ты попросишь, и сразу вернусь. Ты же будешь меня ждать, чтобы годы твоего труда не были бессмысленны? И мы вместе встретим зиму, — женщина прижалась щекой к морщинистой руке, а старик погладил

длинные темные волосы внучки тонкими высохшими пальцами.

— Смысл своей жизни я уже обрел.

В виртуальных очках перед Оливией замелькали вспышками эпизоды из детства: упругий снег скрипит под ногами, мороз щиплет за щеки, а санки такие большие и тяжелые, что отказываются ехать в гору и тащат девочку за собой вниз. Оливия пыхтит, задыхается, но не выпускает из рук драгоценный груз. Вдруг сильная рука подхватывает девочку вместе с санками и кружит в воздухе. Малышка визжит и заливается хохотом:

— Не надо, деда! Уронишь!

Но дед держит крепко. Он доносит внучку до вершины горки, садится сам на санки и сажает девочку между колен:

— Ух, сейчас как полетим с тобой, далеко-далеко в тридевятое царство!

Санки несутся с горки. Снег набивается в ботинки и варежки, колет лицо, но как же здорово и совершенно нестрашно мчаться в надежных объятиях. В конце спуска санки заваливаются набок, дедушка с внучкой хохочут и обнимаются. Девочка прижимается холодной щекой к руке деда, а тот ласково гладит ее в ответ. Они отряхиваются от снега и уставшие, но невероятно довольные, идут домой.

Оливия сняла очки и повернулась к ученым.

— Получилось?

Элла и Петер закивали головами. На мониторе высветилась красная цифра «98%». Остались последние два процента.

Утром профессора не стало. Оливия была безутешна: только нашла и сразу потеряла близкого человека.

— Он уже давно был между жизнью и смертью. И мечтал о покое, но говорил, что не может уйти, не обретя смысла в жизни. Мы думали, что смысл этот в том, чтобы дождаться, когда «Мечтальон» заработает. А оказывается, он мечтал о встрече с вами. Вы подарили ему счастье проститься и утешили своей любовью его боль, это дорогого стоит.

Элла обняла женщину за плечи.

— Пожалуйста, в память о деде закончите ваше дело. Я знаю, что найти новых добровольцев все труднее и что прошу сделать невозможное, но ради него и всех нас.

— Мы сделаем то, что в наших силах.

В списке добровольцев оставалось совсем мало имен. Следующие несколько дней Элла и Петер пытались достучаться до людей из разных уголков мира. Но кто-то уже давно скончался, раздавленный унынием от бесконечной дождливой серости, иные ругались в ответ или просто бросали трубку. Никто уже не верил ни в чудо-машину, ни в спасение человечества.

— Остались только мы с тобой и эти чертовы два процента. Петер, неужели у тебя нет совсем ни одного светлого детского воспоминания?! — Элла обхватила руками голову,

пытаясь сосредоточиться.

— Все мое детство — это сначала бесконечные побои пьяных родителей, а потом холод и голод детских домов. Я ненавидел зиму, я постоянно мерз и не мог согреться, я болел, метался в бреду, но никто, совершенно никто не приходил пожалеть меня, обнять и дать лекарство. Я не жил, я выживал. Откуда в таком детстве взяться светлым воспоминаниям? — Петер с силой ударил кулаком по столу так, что Элла вздрогнула.

— Прости, я не хотел. Просто меня злит, что мы ничего не можем сделать, что я не могу.

Молодой человек вскочил и стал мерить шагами пространство лаборатории, брови его сдвинулись к переносице, он тер лицо и руки, бил себя ладонью по лбу до красноты и громко сопел, пытаясь выдавить из закоулков памяти хоть одну светлую мысль. Резко остановился и замер.

— Да! Я вспомнил один момент, ты только не смейся. Я вообще не уверен, что это не было фантазией или бредом измученного холодом и голодом мальчишки, но вдруг сработает?

— Расскажи, пожалуйста.

— Однажды в наш детский дом привезли девочку. Она там не задержалась надолго, уже на следующее утро ее забрали в семью. Был как раз канун Рождества. Я сильно замерз в спальне, потому что в окнах были щели размером с мой кулак. У некоторых даже простыни покрывались инеем. Я

ненавидел зиму и мечтал, чтобы она поскорее закончилась. В тот день я вышел согреться в пустой сонный коридор, где вдоль стены тянулись ободранные батареи, и увидел девочку.

Она сидела на окне, как маленький ангел, в платье с голубыми оборками и рассыпавшимися по спине смешными кудряшками. Я замер, любуясь ею. Девочка прижала нос и ладошки к стеклу и смотрела на улицу. Я не видел ее лица, но ощущал ее тепло и представил улыбку. Я не решился тогда подойти, чтобы не разрушить хрупкость момента, просто стоял и смотрел на нее. А потом я словно увидел пейзаж за окном ее глазами. Холод и голод уступили место детскому восторгу от созерцания ясного морозного утра, где в воздухе кружились редкие снежинки, горизонт окрашивался в изумительные цвета рассвета — я таких никогда не видел, не замечал. Мы дышали почти в унисон, замерев в этом миге любования. Я знаю, что она чувствовала тогда мое присутствие. Я уже почти набрался смелости окликнуть ее, но услышал шаги воспитателя в коридоре, увы, слишком поздно. Буквально через минуту огромная лапища схватила меня за шкирку, и как котенка, отволокла чистить зубы ледяной водой. Больше я не видел ту девочку.

— Подожди, в каком ты, говоришь, приюте это было?

— Гленсдейл.

Элла побледнела.

— Подожди минутку, никуда не уходи, я… скоро вернусь. Мне надо сбегать домой.

— Да, куда я денусь… Элла, что случилось? Все в порядке?

Элла невнятно кивнула и стремглав выскочила из лаборатории. Она бежала по шатким мосткам над затопленными улицами. Морось проникала под полы термоплаща, била хлесткими струями в лицо при каждом порыве ветра, но девушка не замечала этого.

Дома Элла достала с антресоли огромную коробку старых вещей, ловко разрезала присохшую полоску скотча и открыла крышку. Под грудой пожелтевших от времени фотоальбомов, рамок, книг, одежды и детских безделушек, которые жалко выбросить, нашлась тонкая школьная тетрадка в клеточку. На обложке аккуратным детским почерком было выведено «Дневник». Элла схватила тетрадку и выскочила за дверь.

— Петер, я тебе сейчас прочитаю кусочек. Ты только не перебивай, — девушка открыла дневник, пролистала первые страницы и нашла нужное место: «Сегодня ночью меня привезли в Гленсдейл. Но я не останусь здесь надолго. Завтра мистер и миссис Кемпински забирают меня. Верю, что с ними мне будет хорошо, и не придется снова возвращаться в приют. Они выглядят добрыми, хотя и старыми. Я ждала их в холле, сидела на окне и смотрела на улицу. Там такая красота! Самая настоящая зимняя сказка, как тогда, когда родители были живы. Пытаюсь поймать то ощущение.

Я слышу шаги за спиной, кто-то очень тихо подходит, но я

не боюсь его. Вижу отражение в стекле, это маленький мальчик. Не оборачиваюсь, чтобы не испугать его. Он стоит в нескольких шагах от меня и тоже смотрит в окно, наверное, любуется снежным чудом. Хоть бы он подошел! Мы бы подружились, наверное. Интересно, а ему удалось найти две одинаковые снежинки? Как здорово быть не одной!

Эх, мальчика увел воспитатель. Мы так и не успели познакомиться, но вдруг когда-нибудь его тоже усыновят, и мы встретимся. До свидания, мальчик.

Гленсдейл. 25 декабря 2050 года».

Элла закрыла дневник и посмотрела на Петера. Лицо его было влажным от слез.

— Я и представить не мог!

— Я тоже, уже почти забыла о том случае. Петер, ты понимаешь, что это значит? Мы можем вместе попробовать передать «Мечтальону» это воспоминание, теперь общее для нас с тобой. Я верю, что этого будет достаточно. Ты согласен попробовать?

Петер кивнул. Из горла девушки вырвался вздох облегчения. В эту минуту она поверила, что теперь все точно получится.

Ученые включили машину, надели виртуальные очки и отправились в путешествие по волнам памяти. Когда запись закончилась, Элла и Петер скрестили пальцы на руках и не моргая уставились на монитор. Минута. Две. Три. Время тя-

нулось бесконечно. Экран моргнул дважды. Красная цифра 98% сменилась зеленой 100%. «Мечтальон» загудел и заморгал своими многочисленными глазами-лампочками. Началась подготовка к следующей фазе процесса.

Элла и Петер вскочили со своих мест. Элла прыгала и хлопала в ладоши, как маленькая девочка. Петер по-мужски сдерживался, но подрагивающие от едва сдерживаемой улыбки губы и сетка радостных морщинок вокруг глаз выдавали его. Элла, приплясывая, описала пару кругов вокруг машины и бросилась на шею молодому человеку:

— Петер, у нас получилось!

«Мечтальон» кряхтел и пиликал короткими гудками.

— Пора! — Петер сел за компьютер и стал вводить комбинации кодовых чисел и команд:

— Я готовился к этому, кажется, всю жизнь. Профессор бы мной гордился!

После всех манипуляций на экране возникла надпись: «Активировать зиму? Да / Нет». Петер дрожащей рукой навел курсор на «Да» и нажал клавишу. Купол лаборатории стал медленно раскрываться, и огромный сияющий шар плавно двинулся вверх.

— Процесс займет остаток дня и, наверное, всю ночь. Пойдем пока домой, — Элла потянула мужчину за рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.